

В СТОРОНУ СИНЕГО ШАРА

В сказочной повести Туве Янссон «В конце ноября» есть нечто такое, что не дает надолго забыть про нее. Раз в три-пять лет я перечитываю эту вещь, и всякий раз заново. И однажды мне захотелось понять, в чем ее стойкая, не выцветающая от времени прелесть. Я примеривалась к смешным как будто бы ситуациям, приглядывалась и прислушивалась к забавным (тоже будто бы) персонажам. Но разгадка не находилась. Оставалось одно: войти в мир этой не отпускающей книги, прочитать ее изнутри, то есть пересказать для самой себя.

То, что изложено ниже, и есть результат этой попытки. Разумеется, я хорошо понимаю, что к таинственной, вовсе не детской повести Туве Янссон этот вольный мой пересказ относится так же примерно, как вздох о дожде («ну когда же дождь») к настоящему весеннему ливню.

В синий стеклянный шар мог заглянуть любой в этом доме. Он стоял под открытым небом, прикрепленный к столбу-подставке, и в туманной измороси, обычной для этого времени года, казался волшебным. Но вряд ли кому-нибудь было известно, что шар и вправду волшебный. Никто из теперешних обитателей дома не забредал сюда, в эту часть сада, подивиться его синеве и молчком заглянуть в стеклянную глубину - то волшебно густую, то вдруг вскипающую ненастным мерцанием. Настоящих хозяев не было дома, они путешествовали, а тех, кто занял их место, такие вещи не волновали. Гренки на завтрак, теплая печка – дело другое. Но среди шестерых оккупировавших чужое жилье нашлись две белых вороны, два отщепенца.

Первый из них - музыкант и к тому же старинный друг владельцев синего шара - вообще не вошел в их незапертый дом. Он разбил за садом, на морском берегу, палатку, извлек из рюкзака котелок и губную гармошку и зажил своею собственной жизнью. Кофе он варил на костре, там же готовил. Всё остальное время, то есть практически целый день, Музыкант собирал звуки. И сюда, к отсутствующим хозяевам дома, он пришел ради них - ради нескольких нот, без которых не просыпалась музыка, задышавшая в нем прошлой весной, здесь же, в окрестностях синего шара. Как и его друзья, недостающие ноты не торопились вернуться и встретиться с ним, не отзывались.

Вслушиваться и ждать, набираться терпенья и ждать - в этом и заключалось ремесло Музыканта, его еженощная, ежеутренняя работа.

А вторым отщепенцем оказался Сиротка. Появившись в покинутом доме, это крошечное существо с нечесаной челкой скользнуло в чуланчик и затаилось. Но и там из-под челки моргали испуганные глаза. И там, среди ведер и швабр, в темноте, Сиротка думал только о том, как бы еще умалиться – съежиться, сжаться в горошинку и закатиться куда-нибудь в угол. Между тем он единственный был товарищем Музыканта, пусть ни тот, ни другой не догадывались об этом. Оба ждали, оба терпели свое ожидание, оба сроднились с ним. И не важно, что Музыкант тосковал и терпел на морском

берегу, под крики голодных чаек, а Сиротка ждал и надеялся в пыльном чулане.

Да и мог ли Сиротка не ждать ту, добрее которой он не встречал, - хозяйку синего шара? Он любил ее, так любил, что однажды ветреным утром бросил свою квартирку - перевернутую и заново просмолённую рыбацкую лодку с толстым канатом внутри, в складках которого так хорошо в непогоду, - и отправился к дому, который ему снился. Там, в этом доме, хозяйка говорила гостям: «Как славно, что вы о нас не забыли», и кормила всех, и всем находила место. Нет, конечно, он не надеялся стать своим в этом волшебном доме. Он лишь хотел быть поблизости, неподалеку - где-то под лестницей, за диваном, - чтобы нечаянно, изредка видеть свое божество.

Но и теперь, в одиночестве, счастье не покидало Сиротку. Когда он чувствовал холод – а дело было в конце ноября, - он зарывался в свою любовь с головой, как в пуховое одеяло. А потом, не теряя ни капли, отхлебывал от блаженства помнить улыбку хозяйки синего шара, эту рассеянную, удивительную улыбку, усыновлявшую всех, кто вокруг (и даже тех, кто снаружи).

Только одно омрачало блаженство Сиротки – страх, что появятся *эти*. Их было четверо: Тронутая, Оса, Дурень и Предок.

Тронутая была опаснее всех. На правах давней знакомой она вселилась в лучшую комнату и принялась возмущаться. Как могли оставить незапертым дом? И зачем, от кого заперт шкаф в ее комнате? И как долго хозяйева, забывая о долге гостеприимства, собираются странствовать, между тем как здесь прозябают их гости?

Всё на свете было для Тронутой поводом для недовольства. А когда она уставала негодовать, то врывается в чуланчик Сиротки и принималась его жалеть. Он такой незащитный, ему, наверно, так одиноко. Не поставить ли здесь кроватку? А может, он хочет чаю? А где его мама? А кто его мама? А как он сюда попал? Сиротка молчал и ждал, когда она испарится – внезапно, как появилась, - и долго потом приходил в себя. Почему-то в ее присутствии всё выцветало и обесмысливалось, даже память о море внутри синего шара. С Дурнем было полегче. Он не ворчал и не злился, напротив – был добродушен. Но и он не давал Сиротке покоя: во-первых, был говорлив не в меру, во-вторых, обожал распоряжаться. Бессловесный Сиротка был идеальным объектом для руководства. И поэтому Дурень всюду таскал его за собой - то во двор, сгребать опавшие листья, то в сарай, вытаскивать гвозди из старых досок, то укладывать заново и без того превосходно уложенную поленницу, а то и сидеть рядом с ним. Просто сидеть рядом с Дурнем в гостиной и слушать его. Но даже и Дурню порой становилось не по себе – так тарасился на него его крошечный собеседник, так мгновенно нырял в свой чуланчик после этих бесед.

Что до Осы, ее Сиротка не очень боялся. Она была маленькой, вроде него, но злющей-презлющей. Попастся ей на язык значило то же, что потревожить осиный рой. Сиротку она не замечала, Дурень и Тронутая ее забавляли, а впрочем, были ей глубоко безразличны. Только одно существо волновало

Осу - это Оса. Каждый миг своего ядовитого существования она восхищалась собою: и сапожками алого цвета, и оранжевыми волосами, и проворным, едким умишком. Удивительно, но Оса не обижала - или почти не обижала - Предка.

Предок был полоумный глухой старичок, сбежавший от родственников. По дороге он вспомнил один приветливый дом, где никто никого не мучил - не учил и не лечил. Все были заняты, каждый своим симпатичным делом. В августе там поспевали шафранные груши, и обитатели дома варили варенье, все вместе. Неподалеку от дома шумел широкий ручей, где водилась рыба. В этом доме он, просыпаясь утрами, не ужасался: «Неужели же я и есть этот старый опенок?», а тихонько радовался длинному, едва начатому прекрасному дню - кофе, к которому подадут гренки с грушевым джемом. Еще не пойманной рыбе (никто за него ее не поймает, придется сидеть на солнышке час и другой). Тому, кто встретится на берегу, на пригорке, и дружелюбно кивнет, и не спросит, как его старые кости. Но, дотащившись до места, Предок был огорошен. Дом – да, тот самый, но лица вокруг чужие, завтракать не зовут, небо пустое. Только ручей шумит, как шумел, - есть надежда, что рыба в нем сохранилась.

С рыбы и началось. Предок дождался, когда перестанет сыпать холодный дождь, и отправился с удочкой на отсыревший мостик. Смысла в этом, видимо, не было: рыба спала непробудным сном. Зато время шло, а не тащилось по-черепашьи, как сам он. И вдруг под ногами он увидел форель! Великолепная большая форель билась на мокрых досках, рядом валялась удочка. Значит, он задремал, сквозь дремоту заметил дергавшийся поплавок, полусонный, сделал подсечку и машинально, автоматически вытащил это...это....От дикого рёва Предка все содрогнулись, даже Сиротка вздрогнул в своей каморке.

Вечером был пирог с запеченной рыбой. Все, включая Сиротку и Музыканта, сошлись в натопленной кухне. Тронутая ликовала – это она сотворила пахучее чудо с золотисто-коричневой коркой. Предок ворчал: зачем его рыбу засунули в тесто, лучше б он сам ее съел. Остальные молча дышали запахом общего дома и настоящей домашней еды.

... Когда сияющий Дурень собрал последние крошки и все разошлись (Музыкант отклонялся первым), Тронутая вышла под дождь с помойным ведром да так и осталась стоять в темноте. Музыкант был уже у себя, в палатке, и играл самому себе на сон грядущий. В музыке слышались запах мокрой земли, шелест дождя – и что-то, что-то еще. Что-то легкое, свежее, но такое спокойное, что она впервые без страха вспомнила собственный дом, из которого убежала пару недель назад. Там с ней едва не стряслась беда, и никого не было рядом: Тронутая давно отвадила родственников, а коллекция чашек для кофе – ее гордость и утешенье - ничем не могла ей помочь... Дождь шелестел в такт губной гармошке; Тронутая, не выпуская из рук ведра, раскачивалась, вторя дождю: дом в окрестностях синего шара спал.

Так и пошло. Каждый день Предок отправлялся к ручью, а Тронутая разжигала огонь и ждала той минуты, когда начнет колдовать над пойманной рыбой.

Дурень, в котором вечно бурлили идеи и булькали планы, затеял новую стройку. И не какого-то там сарая, а летней беседки. И не за домом или в саду, а на верху облетевшего дуба, за окном кабинета хозяина дома.

«Слышишь? Пищат! Откуда здесь мыши?» - дивился Дурень. А это Сиротка тихо стонал от тоски, собирая в общую кучу палочки, щепки и прочие стройматериалы.

Только Оса жила прежней беспечной жизнью: восхищалась собой и жалила всех без разбора. Но, видимо, яд утрачивал силу, поскольку Тронутая, больше других страдавшая от Осы, перестала ее бояться.

Без ссор, понятное дело, не обходилось. Вдруг наступало время цветенья обид - целые грозди претензий взбухали из ничего, отравляя воздух. Но раз от разу эта дурная флора становилась всё худосочней и всё быстрее сходила на нет.

Музыкант уловил перемены первым. Еще бы! Обитатели дома перестали его доставать. Перестали бегать к нему каждый день за советом или пожаловаться друг на друга, а вернее всего – оторваться, отвлечься от суеты, которой они захламляли, как дети, свои нескладные дни. Ни собраться с мыслями, ни задуматься не получалось. И как раз тогда, когда он решил наконец: «Лучше быть с ними, чем вечно думать о них», - дом замолчал. Вторжения прекратились, вылазок больше не было. Музыкант мог сколько угодно вслушиваться в голоса тишины.

Ох как же это было прекрасно! Плеск набежавшей волны не походил на шелестенье волны возвратной, увлекающей за собой водоросли и мелкую гальку. Дождик, который сеял перед рассветом, был как шорох бесчисленных крылышек крохотных птичек. А ночами он стучал по брезентовой крыше одно и то же, одно и то же, скучно и строго, как дятел.

Тишина неба над морем была иной, чем тишина отсыревшего черного сада, где днем и ночью мерцал, как маяк, синий стеклянный шар. Первая тишина Музыканта бодрила, вторая ввергала в печаль, но понимал и любил он и ту, и другую. Осторожным было его пониманье: больше всего на свете Музыкант боялся спугнуть тишину, потревожить, даже любовью.

Так вернулось к нему - в одночасье, без объяснений – его пропавшее время. А с ним, где-то в нем, пять или шесть тактов, которые Музыкант не мог отыскать из-за вечных помех. Наконец-то он их расслышит, даст подойти поближе, не потеряет с приходом очередного ябеда или страдальца. И случиться это может когда угодно - завтра, сегодня, сейчас...

«Это я», - прошептал невесть откуда взявшийся здесь Сиротка. Он единственный никогда не мешал Музыканту, не входил, не заглядывал даже, под его брезентовый кров.

Губы Сиротки тряслись, глаза покраснели. Музыкант – он сразу обо всем догадался - приветливо улыбнулся и показал ему деревянную ложку,

которую смастерил сегодня из щепок. Но Сиротка отверг утешение. Он сглотнул и вдруг закричал - в голос, навзрыд: «Они меня обманули!» Очень медленно, очень мягко Музыкант возразил: «Может быть, им хочется отдохнуть? И когда-нибудь они же вернуться». «Когда-нибудь?! Они должны вернуться сейчас! Только одна она нужна мне!»

Ожиданье - жестокая вещь, одна из самых жестоких. Никому оно не по силам, никто с ним не поспорит, разве тот, кто выбрал любовь. Или тот, чья профессия – ждать... Стенка у входа еще колыхалась за убежавшим Сироткой. Что тут скажешь? И Музыкант достал из кармана губную гармошку. Даже после полуночи из палатки доносились слабые трели, но Тронутая - ей не спалось - различала их и на рассвете.

А на завтра пошли перемены, одна за другой, как если бы Музыкант приманил их своей гармошкой. Во-первых, что-то случилось с Дурнем. Все заметили, даже Предок, что он не в себе. Громогласный, нелепый, на всех налетавший Дурень явно стыдился себя. Неужели он сам, своими руками содеял такое? Нахлобучил на дерево воронье гнездо под видом беседки? Он же хотел обрадовать хозяина дома. Только обрадовать... Почему ему так не везет? И несчастный Дурень пробормотал в отчаянье вслух: «Потому что ты дурень!» Все притихли и разом переглянулись. Даже Оса промолчала: выбросив жало, тут же его убрала - прикусила свой бритвенный язычок и побыстрей убежала куда-то.

А через несколько дней заблажил Предок. Он улегся на диване в гостиной и объявил, что выбросил все лекарства. Старости нужен праздник, а не лекарства. Устройте праздник, иначе он разболеется так, что они ужаснутся навеки. И без обмана, чтобы всё как у людей: разные, там, бутерброды, горячий клюквенный сок, фокусы, танцы.

Праздник! Тронутая ни секунды не сомневалась, кто им займется. С угощением проблем не будет, но остальное... Но остальное случилось во сне. Сон наяву начался в темноте, после заката. Кухня, увешанная гирляндами, с цветными фонариками по углам, казалась снаружи большим фонарем. Тронутая весь день накануне металась между столом, где вырезала ленты из синей бумаги, и печью, где выпекала кексы и пирожки. Великолепен был праздничный стол, великолепен и сидевшие за столом.

Дурень, взволнованный, очень строгий, держал бумажку со свеженаписанным стихотвореньем. Музыкант улыбался - приветливо и, как всегда, издалёка. Предок боролся с дремотой, но, кажется, был доволен. На Осу было больно смотреть – так сверкала ее оранжевая шевелюра. Даже Сиротка не портил картины: он был умыт, и Осе удалось расчесать и убрать со лба его дикую челку.

Тронутая стояла в дальнем углу, у плиты, и смотрела на них, как из партера смотрят на сцену. Неужели эти торжественно примолкшие гости – ее сотоварищи по жизни в пустынном доме? Тихий малыш со стаканом сока в руке и угрюмое причуланное существо – неужели это одно и то же лицо? А свирепый, задержавший всех старикан? Да ведь это храбрец и бунтарь, не захотевший принять унылой старческой доли - быть под присмотром. Он

сбежал от нее, и, похоже, снова собрался бежать, на этот раз в зимнюю спячку, в шкаф для белья. А от рождения запеленутый в свою толстокожесть Дурень? Разве не он предложил помолчать в честь хозяев дома? И не ему ли принадлежали слова, в которых всё, до последнего звука, правда: «Мы бродили под их деревьями, мы дышали воздухом их снисходительной дружбы...»?

Между тем Музыкант заиграл, и Оса, как сомнамбула, выскользнула из-за стола. Как она танцевала! Как была покорна ритму, как озаряли стены кухни ее горячие нежно-рыжие пряди!

А та, что в углу? И Тронутая увидела со стороны, как всех остальных, себя самоё. Увидела весьма недалекую, мнительную особу. Она, как чашка для кофе из ее драгоценной коллекции, все время боялась разбиться – о чью-то вульгарность, чью-то жестокость и глупость. А ведь живое не разбивается так просто, живое не хрупко. Есть в нем песок и глина - стекло и фарфор, но есть и металл, и камень. Есть серебро терпенья, соль пониманья, платина красоты... Много чего, о чем она и не подозревала.

Наутро Тронутая распахнула все окна в доме, ворвался холод, и началась уборка. Дурень с Сироткой трясли подушки и одеяла. Оса выметала пыль, Тронутая протирала полки и перемывала посуду. К полудню генеральное сражение закончилось. Дом стал таким же, как был, когда они в нем появились. В нем свободно дышалось, было просторно, уютно и чуточку грустно.

Оса и Тронутая первыми покинули дом. Они не мешкая собрались, простились со всеми и тотчас ушли (как ни странно, ушли они вместе). Затем откланялся и удалился Дурень; день перед этим он провел на берегу, с Музыкантом.

А еще через день ушел Музыкант. Рюкзак он собрал накануне.

Прямоугольник желтой травы - место, где с месяц назад он поставил палатку, - уже назавтра не разглядишь под снегом. Оставалось вытащить из земли незамеченный колышек, и Музыкант наклонился над ним. А когда распрямился, увидел ноты.словно кто-то чертил их для него на грифельном небе - неторопливо, размеренно, одну вслед за другой.

Ноты – те самые пять (или все-таки шесть?) недобранных тактов – на глазах собрались в мелодию, та ожила, и оказалось, что это песня. Настоящая песня - так грациозно и свободно она звучала, так уверенно завершилась. Музыкант кивнул самому себе и улыбнулся друзьям, которых не удалось увидеть: «Теперь до весны!» Но перед тем, как тронуться в путь, он оглянулся и посмотрел в сторону синего шара.

...Едва Музыкант скрылся из виду, всё изменилось. Пепельно-синее небо потяжелело, стало свинцовым, словно его прижимало к земле. Оцепенела мелкая зыбь на морском берегу; чайки пропали. Немота окружила сад, помечая каждую ветку и каждый ствол, от рябины к ели и дальше. А когда она добралась до дома – начался снегопад.

Сиротка стоял на крыльце и смотрел на него полными страха, восторженными глазами. За ним молчал готовый к зиме, прибранный дом.

Времени медлить не оставалось. Спустившись по трем ступенькам, Сиротка пошел навстречу хлопьям, туда, откуда его позвали. Кто позвал – Сиротка не знал, зато он прекрасно знал место, куда идет. Он обогнул поленницу, дошел до мостика через ручей и оказался в саду.

Снег убелял все быстрее кусты и деревья, синий шар превратился в белый сугроб, но Сиротка шел на него не сворачивая, как на огонь. Остановившись, Сиротка смахнул со стеклянной поверхности снег и заглянул в дымно-синюю, с искрами, глубину. Там он увидел лодочку, скользившую по высоким волнам, с двумя гребцами. А на корме сидела она - та, которую он сегодня видел во сне.

И Сиротка тихонько пошел к причалу.